

К ПРОБЛЕМЕ ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФОНОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАТЕКСТЕ

В статье на конкретных примерах автор рассматривает проблему интерпретации читателем неявной (фоновой) информации, содержательно осложняющей структуру современного медиатекста за счет семантического взаимодействия разных видов информации, и возможности квалификации данных речевых феноменов в рамках юрислингвистической парадигмы знания.

Ключевые слова: юрислингвистическая парадигма, фоновая информация, интерпретация, медиатекст, инвектива.

В современном мире в связи с попаданием медиатекстов в орбиту правовых споров чрезвычайно актуальной становится особая область лингвистического знания — юрислингвистика, возникшая на пересечении лингвистической и юридической знаниевых парадигм. Необходимость появления смежного по своему характеру знания обусловлена требованием подведения под правовую квалификацию речевого деяния — через систему лингвистической аргументации, имеющей научное обоснование, что создает для исследователя определенные трудности по ряду причин. Прежде всего, это отсутствие строгого соответствия между юридической и лингвистической парадигмами, поскольку априори юридические процедуры строятся по законам формальной (аристотелевской) логики, а лингвистические анализы основаны на диалектических законах и не могут не отразить сложности и многомерности речевого конфликта, его неоднозначности на шкале оценок участников конфликта. Другая причина — это углубление уровня анализа содержательного плана текста, требующего учета не только семантики отдельных языковых средств как онтологических сущностей, их прагмалингвистических характеристик как средств воздействия на сознание и психику адресата, но и семантики текстового целого, аккумулирующего в своей структуре разные виды информации (вербальная и невербальная, эксплицитная и имплицитная). Н. Д. Голев схематично определил последовательность и взаимообусловленность лингвистических процедур при проведении экспертного анализа текста: «Прагматика определяет семантику, и они вместе определяют синтагматику (и другие проявления внешней структуры)»¹. При этом сам лингвистический анализ в рамках юрислингвистической коммуникации, как справедливо замечает М. П. Котюрова, «представляет собой не научное исследование, а скорее соотносится с научно идентифицирующей деятельностью лингвиста по отношению к тексту, его фрагменту или отдельным

текстовым единицам»². Как представляется, интерпретационный анализ в этом случае должен не только основываться на синтезе различных парадигмальных подходов к исследованию текста, но и учитывать изменения в современном медиадискурсе, ориентированном на стратегию игры и активно предлагающем массовому читателю именно игровую интерпретацию действительности. Эти процессы дают основания исследователям медиадискурса относить его к персуазивно-перлокутивному типу дискурсов и говорить об изначальной риторичности его текстов³. Это, в свою очередь, осложняет модель коммуникации в медиасфере, все более усугубляя в ней черты не прямой коммуникации⁴ и, соответственно, актуализируя проблемы интерпретации содержательной стороны текста.

Одной из таких проблем является интерпретация **фоновой информации**, маркерами которой в тексте могут служить знаки разного объема — слово, словосочетание, высказывание. Учитывая, что фоновое знание — это «обоюдное знание реалий говорящим и слушающим»⁵, реализация авторской интенции в условиях не прямой коммуникации с использованием неявной (фоновой) информации и в целом — успешность коммуникативного акта — требуют от адресата как минимум равного объема апперцепцирующей массы знаний, чтобы через импликации⁶ в тексте осуществить процесс их декодировки и адекватно интерпретировать смысл текста с учетом обоих типов смысла — явного и неявного (в данном случае — фонового, находящегося за пределами конкретного текста, в области макро- или микрофоновых знаний носителя языка). В этих условиях главным действующим лицом становится адресат, продуцирующий смысл⁷, что обуславливает непредсказуемость результирующего смысла высказывания и, в свою очередь, осложняет процесс его юрислингвистической квалификации. Поясним на примере.

В поле зрения исследователя попал текст, в котором наряду с содержательно-фактуальной информацией содержалось большое количество разнообразных косвенных компонентов содержания, которые в классификации фоновых знаний Е. М. Верещагина и Н. М. Костомарова⁸ квалифицируются как страноведческие (общие для членов определенной этнической и языковой общности):

...Однако та безапелляционность, с которой глава ТПП г-н Жуков пытается застолбить своей вотчине уголок в казне, прямо-таки вызывает неподдельное восхищение. Выбивать деньги под различные проекты гуманистическо-воспитательной направленности — это, конечно, беспроигрышный ход, так что находчивости и смекалке главного бизнесмена города можно только позавидовать. Эх, эту бы энергию да в нужное русло, так Тольятти точно бы превратился в туристическую Мекку, практически Рио-де-Жанейро, о чем так давно и бесславно бредит Владимир Анатольевич (Панорама Тольятти, 15.11.2002 г.).

Исследователю было предложено выяснить, носит ли данный фрагмент оскорбительный характер по отношению к В. А. Жукову, являюще-

муся в то время председателем Торгово-промышленной палаты г. Тольятти и имеющему звание Почетного гражданина города. В тексте статьи, фрагмент из которой здесь приводится, представлена негативная информация о деятельности данного персонажа, который прилагает немалые усилия для «выбивания» денег для своей организации из городского бюджета под разные, часто корыстные, цели. Журналист, анализируя ситуацию вокруг одного из таких «гуманистических» проектов Торгово-промышленной палаты, представляет главу известной бизнес-структуры таким «алчущим псевдомеценатом», от «посягательств» которого необходимо оградить городскую казну (статья так и называется «Анти-вирус для Жукова»). В общей иронически-саркастической (ёрнической) тональности, которая проявляет признаки общей непрямой тональности текста, журналист характеризует зафиксированные в смете расходов необоснованные требования на организацию конкурса на весьма значительную сумму, сопровождая данные факты негативными оценками (от иронического осмеяния до явно пренебрежительных оценочных конструкций). В этом ряду автор текста использует и маркеры фоновой информации. Так, в анализируемом фрагменте содержится аллюзия на известного литературного персонажа сатирических романов И. А. Ильфа и Е. П. Петрова «Золотой теленок» и «Двенадцать стульев» (О. Бендера). При этом аллюзия как прием, состоящий в намеке, в данном контексте реализуется с минимальной степенью «узнаваемости» — через слова, косвенно указывающие на прецедентный текст:

Рио-де-Жанейро, о чем так давно и бесславно бредит Владимир Анатольевич; находчивость, смекалка, энергия главного бизнесмена.

Эти черты плюс вожаденная мечта о далеком Рио-де-Жанейро проявляют для читателя контуры известного литературного образа, тем самым активизируя его фоновые знания, которые вступают в сложные отношения с прямыми (эксплицитно выраженными) негативно оценочными смыслами и ассоциативно усиливают чертами авантюриста-мошенника создаваемый в тексте отрицательный портрет главного персонажа, добавляя в общий портрет персонажа значительную долю иронического осмеяния и, соответственно, снижая его в глазах читателя. Встает вопрос: можно ли считать приведенный контекст оскорбительным для субъекта сравнения? Реализуемая автором стратегия языковой игры дает возможность, не используя открытые, четко дифференцируемые и квалифицируемые как инвективные языковые формы, выразить негативное отношение, представив персонажа текста в крайне неприглядном, достойном осмеяния виде и, тем самым, значительно снизить уровень доверия общества к нему, по сравнению с тем уровнем, к которому стремился и которого достиг к этому моменту субъект осмеяния. Все это дает возможность говорить об увеличении инвективного потенциала используемых автором импликатур. Однако давать однозначную квалификацию выявленным се-

мантическим приращениям в тексте как инвективных (оскорбительных) не представляется возможным, хотя бы по той причине, что в интерпретацию знака (в данном случае — высказывания), содержащего фоновую информацию, включается человеческий фактор, делающий результирующий смысл непредсказуемым (где гарантия, что читатель сумеет опознать те маркеры, которые предлагает ему автор текста?). Кроме того, выработанная в экспертной практике и рекомендуемая к использованию типология инвективных слов и выражений, включающая наряду с нелитературными и литературными средствами языка в том числе и **сравнение с историческими и литературными одиозными персонажами** (*одиозный* (*книж.*) — вызывающий крайне отрицательное отношение к себе, крайне неприятный)⁹, не дает объективных критериев для решения вопроса о том, является ли литературный персонаж, к которому отсылает текст, одиозным, т. е. вызывающим крайне отрицательное отношение к себе. При этом решение вопроса остается за исследователем, учитывающим в этом случае и возможные варианты интерпретации читателей (которые, кроме того, могут иметь разные представления о приличном и неприличном, приятном и неприятном), и собственное мнение как читателя и эксперта, что, несомненно, окрашивает процесс интерпретации субъективностью и сказывается на убедительности выводов эксперта.

Еще более затруднительным представляется процесс декодирования фоновой информации в следующем фрагменте из этой же статьи:

...Покуда же новые Морозовы и Елисеевы еще только учатся летать, кое-кто под их крыльями умудряется обзавестись если и не коробкой от ксерокса, где деньги лежат, то уж парой-тройкой самих ксероксов точно...

Более очевидной здесь представляется фоновая информация в прецедентных именах **Морозовы и Елисеевы**, наводящих читателя на мысль о фактах русской истории (династии Морозовых и Елисеевых являлись в нескольких поколениях известными русскими предпринимателями и меценатами). Эта информация, исходя из коммуникативной установки автора текста, должна послужить контрастным семантическим фоном для высвечивания отрицательных черт у главного персонажа текста, уличенного в корыстной деятельности за счет городского бюджета.

Этой же цели служит и другая, менее явная, отсылка (**коробка от ксерокса, где деньги лежат**) к фоновой информации из недавних политических событий в России (неприглядной истории из предвыборной кампании Б. Ельцина, в которой были замешаны А. Чубайс и другие — те, кто выходил из предвыборного штаба с коробкой из-под ксерокса, «набитой» валютой, и были замечены журналистами). Выявление и интерпретация данной имплицатуры, как показал опрос среди читателей текста, еще более затрудняется из-за недостаточной осведомленности читателей в общественно-политических реалиях современной России. Поэтому прогнозировать с достаточной степенью предсказуемости восприя-

тие и декодирование читателем заложенного автором результирующего смысла высказывания (за счет взаимодействия явных и неявных смыслов) представляется проблематичным. Соответственно юрислингвистическая квалификация общего содержания предложенного для анализа текстового фрагмента как оскорбительного не имеет достаточных оснований в силу зависимости от интерпретационной деятельности адресата текста и, соответственно, из-за отсутствия объективных критериев.

Резюмируем. Современный медиатекст, реализуя общую стратегию игры и активно синтезируя в своей структуре разные типы информации (явной и неявной) с целью реализации авторского замысла, представляет собой содержательно осложненную речь, что создает определенные интерпретационные трудности при декодировании дополнительных (неявных) типов информации в языковых знаках и формировании результирующего смысла текста, тем самым осложняя юрислингвистическую квалификацию речевого феномена в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Голев Н. Д.* Экспертиза конфликтных текстов в современной лингвистической и юридической парадигмах // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Сборник материалов научно-практического семинара. Москва, 7–8 декабря 2002 г. Часть 2 / под ред. проф. М. В. Горбаневского. М.: Галерея, 2003. С. 70.

² *Котурова М. П.* О специфике юрислингвистической коммуникации // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Сборник материалов научно-практического семинара. Москва, 7–8 декабря 2002 г. Часть 2 / под ред. проф. М. В. Горбаневского. М.: Галерея, 2003. С. 96–97.

³ *Анненкова И. В.* Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ. М.: Изд-во Моск. ун-та. Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2011. 392 с.

⁴ *Дементьев В. В.* Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 376 с.

⁵ *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Сов.энцикл., 1966. С. 498.

⁶ *Федосюк М. Ю.* Неявные способы передачи информации в тексте. М.: МГПИ, 1988. С. 22.

⁷ *Дементьев В. В.* Непрямая коммуникация. М., Гнозис, 2006. 376 с.

⁸ *Верещагин Е. М., Костомаров Е. М.* Язык и культура. М.: Русский язык, 1976. С. 210.

⁹ *Ожегов С. И.* Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1990. С. 443.

Vengranovich M. A.

Volga Orthodox Institute, Russia

ON THE PROBLEM OF JURIDICAL LINGUISTIC INTERPRETATION OF THE BACKGROUND INFORMATION IN MODERN MEDIA TEXT

Венгранович М.А. К проблеме юрислингвистической интерпретации фоновой информации в современном медиатексте (тезисы)/ Динамика языковых и культурных процессов в современной России [Электронный ресурс]. – Вып.5. Материалы V Конгресса РОПРЯЛ (г.Казань, 4-8 октября 2016 г.). – СПб.: РОПРЯЛ, 2016. 1 электр. опт. диск (CD-R).С.75-79.